

Польское восстание и политический национализм
М.Н. Каткова

Егор И. Штанько

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, egor2001s@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема воззрений главного редактора газеты «Московские ведомости» на польское восстание 1863 г. М.Н. Катков с самого начала мятежа занял жесткую и уверенную позицию, что придало его статьям по польскому вопросу невероятный успех. В кратчайшие сроки он сумел стать настоящей звездой русской журналистики, заняв одно из наиболее влиятельных мест в «русской партии». Позиция редактора включала в себя полноценную программу переустройства Западного края и собственное, оригинальное прочтение понятия «нация». Взгляды М.Н. Каткова наиболее точно можно охарактеризовать как политический национализм, где нация приравнивается к политической лояльности тому или иному государству. Этатистские идеи редактора «Московских ведомостей» сумели преодолеть противоречие между этническим и государственным национализмом, которое особенно обострилось в связи с польским восстанием. Воззрения славянофилов, идеи национализма которых упирались в этнолингвистические аспекты, ощутили серьезный удар после января 1863 г., потому концепция М.Н. Каткова возымела серьезный шанс на успех. Помимо этого, программа переустройства западных губерний, предлагаемая М.Н. Катковым, достаточно точно совпадала с действиями правительства и планами М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана, что сделало газету «Московские ведомости» самым влиятельным консервативным органом печати внутри дискуссии по польскому вопросу.

Ключевые слова: польское восстание, М.Н. Катков, польский вопрос, «Московские ведомости», национализм, «русская партия», русский консерватизм, бюрократический национализм, Западный край, Царство Польское

Для цитирования: Штанько Е.И. Польское восстание и политический национализм М.Н. Каткова // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 40-55.

Polish uprising and M.N. Katkov's political nationalism

Egor I. Shtanko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egor2001s@yandex.ru*

Abstract. The article examines the views of M.N. Katkov, editor-in-chief of the *Moskovskie Vedomosti* newspaper, on the Polish uprising of 1863. From the very beginning of the uprising, he adopted a firm and confident position, which made his articles on the Polish question incredibly successful. In a short time, he became a true star of Russian journalism, occupying one of the most influential positions in the "Russian Party." The editor's position included a comprehensive program for the reorganization of the Western Territory and his own original interpretation of the concept of "nation." Katkov's views can most accurately be characterized as political nationalism, where nation is equated with political loyalty to a particular state. The statist ideas of the *Moskovskie Vedomosti* editor managed to overcome the contradiction between ethnic and state nationalism, which had become particularly acute because of the Polish uprising. The Slavophile views, whose nationalist ideas rested on ethnolinguistic aspects, suffered a serious blow after January 1863, so M.N. Katkov's concept had a serious chance of success. Furthermore, the program proposed by Katkov for reorganizing western provinces coincided quite closely with the government actions and the plans of M.N. Muravyov and K.P. Kaufman, making *Moskovskie Vedomosti* the most influential conservative press outlet within the debate on the Polish question.

Keywords: Polish uprising, M.N. Katkov, Polish question, “Moskovskie Vedomosti”, nationalism, “Russian party”, Russian conservatism, bureaucratic nationalism, Western Region, Kingdom of Poland

For citation: Shtanko, E.I. (2026), “Polish uprising and M.N. Katkov's political nationalism”, *Young Historian*, no. 2(6), pp. 40-55.

«Московские ведомости» изначально были газетой, принадлежащей Московскому университету. Содержание этого печатного издания было слишком затратным, потому посредством торгов его сумели арендовать П.М. Леонтьев и М.Н. Катков, «став фактически хозяевами издания» [Перевалова 2015, с. 164]. М.Н. Катков подошел к издательству «Московских ведомостей» крайне амбициозно. «Он был настроен преобразовать ее по образцу английских общеполитических газет, образцом среди которых была Times (многочисленные ссылки и перепечатки, из которой содержатся с первых номеров нового издания)» [Тесля 2011, с. 87]. Такая возможность была предоставлена ему достаточно скоро. Тема польского вопроса стала важнейшей частью ежедневного издания.

События января 1863 г. подарили амбициозному М.Н. Каткову возможность в мгновение ока стать звездой русской журналистики и лидером мнений. Поэт Н.Ф. Щербина отмечал, что «публика прежде всего с жадностью читает публицистические и полемические статьи вашего журнала»¹, подчеркивая популярность М.Н. Каткова. Уровень влияния «Московских ведомостей» крайне сложно переоценить. Политический вес личности М.Н. Каткова, начав стремительно расти с 1863 г., достигнет в итоге невообразимых масштабов. Впоследствии главный редактор газеты сможет добиваться личных аудиенций у императора, с его мнением будут считаться многие высочайшие сановники, а с помощью «Московских ведомостей» будут разворачиваться целые кампании по поддержке или же, наоборот, дискриминации важнейших государственных лиц империи

¹ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 4. Л. 3.

[Соловьев 2018, с. 286]. Исследователь А.Э. Котов отмечает: «М.Н. Катков, являясь, безусловно, одной из центральных фигур в консервативно-монархической журналистике того времени. Редактор “Московских ведомостей” и “Русского вестника” вошел в историю как самый влиятельный русский публицист XIX столетия» [Котов 2016, с. 11].

Одним из наиболее известных сторонников М.Н. Каткова внутри русской консервативной общественности станет К.П. Победоносцев, восхищавшийся текстами главного редактора: «А здесь я, вместе со многими друзьями вашими, часто вспоминаю и благодарю вас мысленно за прекрасные статьи, которыми нас радуют Московские ведомости»². Близким другом М.Н. Каткову также был Ф.И. Тютчев, не скрывавший своего восхищения талантом журналиста: «Желаю очень чтобы вы в этом водовороте всевозможных и невозможных сплетней и толков... Вы как лучший представитель русской гласности – знали самым достоверным, самым положительным образом о настоящем ходе и состоянии дел»³. Помимо этого, тексты М.Н. Каткова, сумеют ощутимо трансформировать русский язык, привнеся изменения в понятия «нация и национальность». Его размышления о польском восстании создадут новую веху в языке поиска национальной идентичности.

В начале XIX в. понятие «нация» могло активно использоваться Александром I и в целом русской общественностью. Во многом это было связано с распространенной в высших кругах франкоманией, а также, несмотря на события 1789 г., отсутствием ощущения опасности этого термина. Изменение отношения к слову «нация» в России в первую очередь связано с Ноябрьским восстанием и событиями 1825 г., а точнее использованием П.И. Пестелем этого понятия в его «Русской правде». Слабо говоривший по-русски Пестель решил перевести «русскую нацию» как «русский народ», однако этого было достаточно, чтобы ассоциировать «нацию» с чем-то враждебным русскому государству [Миллер 2010, с. 90]. Триада С.С. Уварова, где вместо понятия «нация» было использовано слово «народность»,

² ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 3. Л. 4.

³ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 41. Ед. хр. 4. Л. 19.

создала двойственность в русском лексиконе. С одной стороны, «нация» оставалась понятием менее популярным и одобряемым, с другой – истинное значение «народности» объяснить в нужном для эпохи контексте было затруднительно. Известна попытка литературного критика В.Г. Белинского объяснить разницу между «народностью» и «национальностью». Публицист пришел к выводу, что различия не заканчиваются в области происхождения слова, национальность является следующей ступенью народности, она обладает уже не только видовой семантикой, а подразумевает наличие субъектности [Миллер 2010, с. 100]. «Слово народность создало определенный понятийный зазор между термином нация и было полезно Уварову именно как не вполне точный перевод» [Миллер 2010, с. 98].

Этот лексический зазор был устранен стараниями М.Н. Каткова, который активно использовал оба понятия на страницах «Московских ведомостей». Он употребляет в контексте национальной политики империи несколько схожих терминов: нация, национальность, народ, народность и племя. Под племенем М.Н. Катков понимает этническую группу, объединенную языком, культурой, религией и т.д. Именно это слово обозначает группу людей, связанных определенными признаками, но не имеющих суверенитета или политической субъектности. «Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющее каждое свой обычай; есть целые страны со своим особенным характером и преданиями»⁴. В каком-то смысле понятие «племя» для М.Н. Каткова этнографическое, не несущее за собой никакого политического контекста. В схожей манере он употребляет и термин «народонаселение», когда размышляет и финской этничности. «Вот, например, почтенная цифра 3 700 000, полагаемая на так называемую чудскую, или финскую национальность. Она представляет собой не что-либо действительное, а этнографическую отвлеченность»⁵. В этом отрывке отчетливо становится видно, что описываемые им этнические группы хоть и являются «племенем» или

⁴ Катков М.Н. О Самодержавии и Конституции. М., 1905. С. 34.

⁵ Он же. Цельность и однородность русского государства // Идеология охранительства. М., 2009. С. 80.

«народонаселением», но лишены национальности. Таким образом, национальность в риторике М.Н. Каткова скорее является неким свойством этнической группы, а не объектом. Племенами он называет и этнические группы во Франции: басков, бретонцев, эльзасских немцев, фламандцев, которые в итоге оказались объединены во французскую нацию⁶.

Нация у М.Н. Каткова представляет собой объединение племен под одним государством. Необходимо заметить, что это объединение не несет за собой культурную или религиозную гомогенность, т.е. обычаи и традиции племени могут оставаться неизменными внутри нации. Эта позиция преодолевает существовавшее смущение перед понятием «нация», так как элемент «опасности» в лице ее политической субъектности направляется М.Н. Катковым не в сторону революций и восстаний, что вызывало сразу ассоциации с событиями 1789 г., а в подчинение государству, в случае же России – подчинение самодержцу. «Весь смысл русской истории и вся государственная мудрость в том состоят, чтобы верховная власть нашего народа была неразрывно связана с ним, и чтобы управление им было живым и ясным выражением этого единства»⁷. Именно единство пусть даже совсем не похожих друг на друга племен создает нацию. В итоге, стараниями М.Н. Каткова понятие «нация» было реабилитировано и приравнено к термину «народ». Размышляя о французской нации, как об эталоне, он легко употребляет термин «французский народ», подразумевая под ним именно объединенные государственной властью французские «племена». «Действительно, французская нация может гордиться своей однородностью <...> Скажем более: весь французский народ под тем могущественным единством, которое действительно должно быть за ним признано и которое связывает его неразрывно...»⁸.

Национальность – это свойство, которое присуще только нации. Она имеет возможность усиливаться или ослабевать. Для М.Н. Каткова национальность синонимична народности. Слабая национальность может содержать в себе неоднородность, сильная

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Он же. О Самодержавии и Конституции. М., 1905. С. 30.

⁸ Он же. Цельность и однородность... С. 76.

же является сплоченной. Выходит, что национальность или же народность является главной силой объединения племен в нацию. М.Н. Катков признает племенное многообразие в России, однако отрицает национальное многообразие. Племен много, а нация одна. Во главе же находится царь, к которому направлена политическая субъектность нации, а самый весомый центр притяжения племен – это русское племя. Как раз именно русское племя уже стало нацией и должно заниматься тем, чтобы усиливать свою национальность, т.е. притягивать к себе остальные племена. «Эта национальность одарена большой расширительной силой; она захватывает и уподобляет себе мало-помалу чуждые ей элементы, из которых только польский имеет еще некоторое значение»⁹.

М.Н. Катков, безусловно, был националистом, однако его способ понимания нации скорее схож с понятием «политического» или «государственного» национализма, где на первый план выходит непосредственно гражданская принадлежность к государству, а не этничность или религия. Отсюда становится легко понять восхищение журналистом Францией, которая и по сей день остается эталоном политического национализма. В этих размышлениях М.Н. Каткова кроется его главная претензия к полякам – желание отделить свое племя от растущей нации. Главный редактор «Московских Ведомостей» – убежденный этатист, полагающий, что именно государство является единственным источником сплочения людей, а следовательно и основой существования нации, «...поэтому катковскую идеологию целесообразно охарактеризовать как “бюрократический национализм” – в том смысле, что при ее практическом применении государственная бюрократия становилась единственной свободной в своих действиях национальной силой» [Котов 2016, с. 56]. Сопротивление объединяющей силе государства антинационально по своей природе: «Все, что колеблет начало верховной власти, что направлено к тому, чтобы нарушить единодушие между государем и народом – все это преступно»¹⁰.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 2.

В таком случае можно справедливо заметить, что взгляды М.Н. Каткова вполне схожи со многими русскими либеральными мыслителями, отдельные представители которых даже были убеждены в необходимости временного существования самодержавия, и рассуждая в гегельянской парадигме мысли, признавали государство высшим способом организации жизни людей. До аренды «Московских ведомостей» М.Н. Катков как раз пользовался репутацией либерала. В этой связи некоторые исследователи связывают трансформацию его взглядов и сдвиг в сторону консерватизма именно с польским восстанием. «Поэтому националистам сила самодержавия для “русского дела” стала казаться важнее его ограничения. В этом настроении одна из важнейших причин перехода признанного лидера русского национализма М.Н. Каткова с либеральных на охранительные позиции» [Сергеев 2011, с. 67]. Редактор «Московских ведомостей» после 1863 г. пришел к строгому убеждению, что единственной возможной формой государства для построения русской нации может быть лишь самодержавие. Эта позиция в тогдашних условиях развития русской общественной мысли объективно ставила М.Н. Каткова в лагерь консерваторов.

Как уже было обозначено выше, главная заслуга М.Н. Каткова – четкая и крайне оперативно сформулированная позиция относительно польского восстания. Решительные тезисы, озвученные им на страницах «Московских ведомостей», сделали его одной из главных звезд русской журналистики той эпохи. Важнейший вопрос – «что же делать с Польшей?» не был оставлен М.Н. Катковым без внимания. В отличие от многих других крупных публицистов, он предлагал понятную программу, состоящую из целого ряда административных мер. Фактически возможных решений проблемы могло быть только три: автономия, русификация и полное отмежевание. Проекты по отделению Царства Польского в силу контекста эпохи и имперской экспансии Великих держав XIX в. были заранее обречены на крайнюю непопулярность и маргинализацию, поэтому главная дискуссия разворачивалась именно вокруг проектов автономии и русификации.

Учитывая особенности понимания «нации» и «национализма» М.Н. Катковым, широкая автономия Царства Польского не рассматривалась им вовсе. Жесткий характер репрессивных мер М.Н. Муравьева очень нравился М.Н. Каткову. В 1863 г. он писал графу: «Вы не можете сомневаться в моей живейшей готовности оказать всякую по моим силам услугу делу, которому я служу до упада сил. Вы не можете также сомневаться в моем глубочайшем уважении лично к вашему сиятельству и желании исполнить всякое ваше поручение»¹¹. Открытая и публичная поддержка М.Н. Муравьева, которая нередко фигурировала на страницах «Московских ведомостей», носила ещё более демонстративный характер. Связано это в первую очередь с неоднозначным отношением к генералу-губернатору в верхних эшелонах власти. Все это свидетельствовало о принципиальности главного редактора: его позиция относительно Польши была решительной, однозначной и совпадала с воззрениями графа. «От графа Муравьева, незадолго до его смерти, получили мы письмо, в котором он отзывался о нашей деятельности в выражениях, которые чувство скромности не позволяет нам принимать во всей силе их значения»¹², – признавался М.Н. Катков в 1867 г. Впоследствии, дружеские отношения М.Н. Каткова с М.Н. Муравьевым будут становиться только крепче. Иногда они будут встречаться в Петербурге, где граф будет передавать материалы редактору «Московских ведомостей» для написания новых статей по польскому вопросу. «Пишу вам, почтеннейший М.Н., по особенному поручению графа М.Н. Муравьева <...> Он считает необходимым для пользы общего дела передать вам многие данные, добытые следственной комиссией», – писал Ф.И. Тютчев М.Н. Каткову в 1863 г.¹³ Такие встречи в столице империи не были редки и происходили в основном на квартире поэта¹⁴.

В первую очередь ареной для реализации административных мер должен был стать Западный край. Главной опасностью, исходящей от польской шляхты, представлялась

¹¹ ГА РФ. Ф. 811. О. 1. Д. 97. Л. 5.

¹² РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 4.

¹³ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 35.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 36.

не вооруженная борьба, а возможность скорого «ополячивания» крестьянства Западного края. Необходимость не дать полякам культурно «захватить» население близлежащих территорий становилась задачей номер один. Концепция М.Н. Каткова могла под собой подразумевать исключительно решительные действия государства, так как «для него государство было единственным субъектом истории» [Котов 2016, с. 55]. М.Н. Катков убежден, что «польские крестьяне, польские хлопцы – поляки только по имени, да впрочем они и не называют себя поляками»¹⁵. Это дает основание полагать, что польское влияние будет достаточно легко остановить. Крестьянин Западного края представляется редактору «Московских ведомостей» совершенно инертным элементом, которому чужды идеи восстановления польской государственности. Выражаясь в терминологии М.Н. Каткова, эти крестьяне еще находятся на стадии племенного существования и, следовательно, не имеют национальности. «Поставьте их на какую угодно почву, и они примутся ко всякой. Под русским же правительством они еще легче могли бы сделаться русскими благодаря близкому сродству своего языка с русским»¹⁶.

Полное очищение края от польского влияния и освобождение крестьян от гнета шляхтичей было признано важнейшей задачей и на официальном уровне [Долбилов, Миллер 2007, с. 210]. Именно этого и добивался М.Н. Муравьев с К.П. Кауфманом. Так, например, последний писал М.Н. Каткову: «Мне особенно приятно встречать в суждениях ваших подтверждение собственных мыслей»¹⁷. Таким образом, эта позиция «Московских ведомостей» полностью смыкалась с действиями правительства, а передовицы газеты транслировали публике логику административных мер Петербурга. Позднее М.Н. Катков напишет: «Другие губернаторы Западного края, где дело управления окружено столькими трудностями, изустно и письменно также свидетельствовали о полезном для них действии нашей газеты»¹⁸.

¹⁵ Московские ведомости. 1863. № 147. 6 июля.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 21. Ед. хр. 8. Л. 101.

¹⁸ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 4.

Главный тезис М.Н. Каткова заключается в том, что русификация Западного края – это прямое восстановление исторической справедливости. «Западный край быть издревле край русский. В этих местах была колыбель русского государства, здесь впервые началось самосознание русского народа»¹⁹. Польское влияние называется им «пришлым», фальшивым, несправедливым и противоречащим историческому процессу²⁰. В противовес этому предлагается «русскость, понятая в категориях середины XIX в., которая преподносилась как неизменная, имманентная, уходящая корнями вглубь веков сущность» [Долбилов, Миллер 2007, с. 210]. Тем самым М.Н. Катков утверждает, что русификация Западного края – это прямое и «органическое» слияние, которое является важной ступенью для построения русской нации и великого русского государства²¹.

Он предлагает действия, которые, по его мнению, необходимы для совершения этого слияния. Все эти меры, направленные на то, чтобы «прекратить панско-ксендзовские козни» и «отнять у панов феодальные права»²², практически полностью совпадают с официальной позицией Петербурга. Туда входили как языковые, образовательные и культурные ограничения, так и физическое сокращение количества польских землевладельцев и замена их на русских помещиков. Подобные санкции в отношении польских дворян, которые одобрял главный редактор «Московских ведомостей», ставили перед бюрократией достаточно сложные задачи. Риторика М.Н. Каткова о польской национальности и непринадлежности к ней крестьян Западного края имела право на жизнь лишь в контексте незавершенных этнических процессов в империи. Из-за отсутствия четкого юридического определения, кто является поляком, и польская, и русская национальность, а также сама принадлежность к ним становились предметом риторических манипуляций. Так, например, в указе Александра II от 10-го декабря 1865 г., где запреты были направлены против лиц польского происхождения,

¹⁹ Московские ведомости. 1865. № 262. 27 ноября.

²⁰ Московские ведомости. 1863. № 85. 21 апреля.

²¹ Московские ведомости. 1863. № 262. 27 ноября.

²² Московские ведомости. 1863. № 204. 19 сентября.

оставалось совершенно неясно по каким критериям можно было определить лицо польского происхождения [Горизонтов 1999, с. 101].

Обрусение Западного края понимается М.Н. Катковым как установление контроля администрации империи. Он остается последователен своему пониманию национализма. Русификация подразумевает под собой образование русской нации, то есть достижения единства в политическом смысле. Религия, внешний облик и прочие составляющие не должны подвергаться насильственному изменению. «Задача, висящая над Западным краем, состоит не в том, чтобы сделать его похожим снаружи на подмосковные губернии, а в том, чтобы он, при всех особенностях своих, стал по праву русским краем. Единство национальное есть по преимуществу единство политическое»²³.

Будучи этатистом, М.Н. Катков видит польское восстание не только как вооруженный мятеж, но и как образование иного государства внутри России. В западных губерниях, выражаясь условно, находится все еще не освоенное русским национализмом пространство. Люди на этой территории пребывают в племенном состоянии, не имея над собой национального и политического единства. Безусловно, западные окраины России обязаны стать русскими, но польское дворянство, обладая собственными политическими амбициями, увидело возможность в том, чтобы оторвать у России ее исконные территории, желая установить непосредственно польское политическое единство. «Истинная задача состоит в том, чтобы искоренить семена политики, и уничтожить то, в чем заключается не мнимое, а действительное зло. Здесь не должно быть призрака какого-либо иного государства»²⁴. Уничтожение «польского элемента» в западных губерниях для М.Н. Каткова в первую очередь важно не для усмирения Царства Польского и его устремлений, а для установления русской национальности над ее необъединенными крестьянами. «Нравы и обычаи, социальные формы, физиономия городов и сел, могут различаться, но тем несомненное должно быть единство

²³ Московские ведомости. 1863. № 262. 27 ноября.

²⁴ Там же.

политической национальности»²⁵. Польское восстание в итоге явилось лишь призывом для русских закончить начатый процесс. Оно продемонстрировало империи, что ее замедление в этом вопросе может привести к тому, что значительные территории России могут быть потеряны в национальном и политическом смыслах.

Политический национализм М.Н. Каткова предлагает проект империи как гомогенного современного государства, где «границы политические тождественны границам национальным» [Тесля 2011, с. 98]. «Государь император дал нашей политике национальное направление, как внутри, так и вне, и положил тем эпоху в истории нашего отечества. Слово об обрусении западных окраин империи было торжественно сказано с высоты трона»²⁶. Этот проект, помимо того, что преодолевал известное противостояние политического и этнического национализма, который явно вызывал ощутимые противоречия в риторике русских националистов XIX в., имел возможность обрести широкую популярность, так как напрямую во многих аспектах совпадал с воззрениями некоторых влиятельных членов высшей петербургской бюрократии. Это позволяло высказываниям М.Н. Каткова сохранять влиятельность и не становиться маргинальными, к чему зачастую приводила позиция, прямо противоречившая действиям администрации. Воззрения М.Н. Каткова удачно вписывались в нарастающий тренд отхода от сословного восприятия российского общества, параллельно снимая проблему детерминации «русского» исключительно через этническую принадлежность или приверженность православной вере. Его концепция позволяла большому количеству иноверцев и инородцев, населявших Российскую империю, стать полноценными «русскими», не внося изменения в свой внешний облик, вероисповедание, традиции и обычаи.

²⁵ Там же.

²⁶ РГИА. Ф. 908. О. 1. Д. 282. Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Горизонтов 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) М.: Индрик, 1999. 270 с.
- Долбилов, Миллер 2007 – Долбилов М.Д., Миллер А.И. Политика «русского дела» в западных губерниях в 1863–1869 гг. // Западные окраины Российской империи. Коллективная монография / под ред. М.Д. Добилова, А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 207–259.
- Котов 2016 – Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.
- Миллер 2010 – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
- Перевалова 2015 – Перевалова Е.В. «Московские Ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 4. С. 163–179.
- Сергеев 2011 – Сергеев С.М. Столетняя война с «воскресающими мертвецами». Польский вопрос и русский национализм в XIX – нач. XX в. // Вопросы национализма. 2011. № 2. С. 39–67.
- Соловьев 2018 – Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: РОССПЭН, 2018. 350 с.
- Тесля 2011 – Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских Ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. 2011. Т 2. № 2. С. 86–97.

REFERENCES

- Gorizontov, L.E. (1999), *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkiye v Polshe (XIX – nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Policy: Poles in Russia and Russians in Poland (19th – early 20th centuries)], Indrik, Moscow, Russia.

- Dolbilov, M.D. and Miller, A.I. (2007), “The Politics of the ‘Russian Cause’ in the Western Provinces”, in A.I. Miller, M.D. Dolbilov (eds.), *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western Borderlands of the Russian Empire], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 207–259.
- Kotov, A.E., (2016), “Tsarskiy put” Mikhaila Katkova: Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov [Mikhail Katkov’s “The Tsar’s Path”: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s–1890s], Vladimir Dal, Saint Petersburg, Russia.
- Miller, A.I. (2010), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research], *Novoye literaturnoye obozreniye*, Moscow, Russia.
- Perevalova, E.V. (2015), “M.N. Katkov’s ‘Moscow News’ in 1863–1864: political officialdom or an organ of independent public opinion?”, *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 4, pp. 163–179.
- Sergeev, S.M. (2011), “The Hundred Years’ War with the ‘Resurrecting Dead’. The Polish Question and Russian Nationalism in the 19th and Early 20th Centuries”, *Voprosy natsionalizma*, no. 2, pp. 39–67.
- Solovyev, K.A. (2018), *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva*. [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Teslya, A.A. (2011), “‘The Polish Question’ in the editorials of M.N. Katkov in *Moskovskiye Vedomosti* in 1863”, *Uchenyye zametki TOGU*, no. 2, pp. 86–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор И. Штанько, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egor2001s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor I. Shtanko, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egor2001s@yandex.ru